

Виктор ДУБОВИЦКИЙ

СКВОЗЬ ОГОНЬ ДВУХ ВОЙН

Виктор Васильевич Дубовицкий родился в 1954 году в селе Новосергиевка Оренбургской области. Окончил исторический факультет Таджикского государственного университета. С 1980 г. работает в Институте истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан. Доктор исторических наук, автор монографий и научных статей по истории и геополитике, исторических повестей, рассказов и эссе. В 1991 г. организовал в Таджикистане казачью общину «Амударьинская линия», вошедшую в состав Первого отдела Оренбургского казачьего войска. Лауреат премии Союза журналистов Республики Таджикистан (2010) и премии издательства «Граница» Погранвойск ФСБ РФ – «Золотое перо границы» (2012). Живёт в Душанбе.

Для некоторых наших земляков-новосергиевцев Великая Отечественная война началась гораздо раньше июня 1941 г. Это относится, прежде всего, к тем, кто уже проходил срочную военную службу и участвовал в локальных войнах в Испании, Финляндии, Монголии. В их числе был и мой отец – Василий Гаврилович Дубовицкий.

Огненное крещение в монгольской степи

Осенний призыв в Красную Армию всегда считался для молодёжи худшим по сравнению с весенним: знакомство с воинской жизнью, «учебка» по специальности – всё это приходилось на холодное осеннее и зимнее время. Во всяком случае, для большинства призывников на территории нашей тогда необъятной страны (исключением, наверное, была лишь служба на юге Туркмении – в Кушке и Мары, где в январе

не менее двадцати градусов тепла по Цельсию!).

...Эшелон с призывниками, разместившимися в товарных вагонах с буржуйкой, шёл на восток едва ли не месяц, обрастая всё новыми и новыми «контингентами» в Свердловске, Омске, Новосибирске, других городах и станциях на Сибирской магистрали. В памяти отца о том пути на его семилетнюю воинскую службу, вобравшую в себя две войны — с немцами и их союзниками, японцами — остались лишь эпизоды периодических остановок, во время которых призывники заново набивали свои измятые матрацы и подушки сеном, чёрная издала, но прозрачная, словно слеза, вода Байкала да появление после проезда Иркутска в рационе риса — крупы в оренбургской крестьянской жизни редкой и потому вначале казавшейся необычайно вкусной по сравнению с пшеном и гречкой!

Наконец прибыли в Читу. Забайкальские степи, хотя и напоминали чем-то родные, оренбургские, были более суровы, холодны и начисто лишены леса. Определили в кавалерию. На степных просторах начались бесконечные занятия по джигитовке, рубке лозы на скаку, стрельбе с коня и в пешем порядке. Много времени занимал и уход за четвероногим боевым другом: кормёжка, чистка, подковывание — всё то, без чего кавалерист прекращает быть боевой единицей своего эскадрона!

Вспоминал отец и забавный случай, связанный с его сослуживцами из Забайкалья. Всех красноармейцев строго инструктировали относительно сурков-тарбаганов, в изобилии водившихся в степи: «Это распространители чумы! Если где найдёте мёртвого грызуна — не трогайте, поставьте вешку и сообщите командованию!» А тут два кавалериста из казаков, находясь на охране военных складов, поймали и с аппетитом съели такую вот «чуму»! Их тут же изолировали в дальней землянке на две недели, передавая котелки с едой на длинной палке. «Зачумлённые» забайкальцы только смеялись и пели казачьи песни, наслаждаясь неожиданным двухнедельным бездельем: «Да мы их всю жизнь ели, и никакой чумы»!

Забайкалье и Дальний Восток в 1938 году для Советского Союза были регионом не менее (если не более) тревожным, чем граница с Европой: гитлеровская Германия только «затачивала зубы» на аншлюсе Австрии и присоединении Судетской области Чехословакии, в то время как её восточный союзник — Япония — успел уже вовсю развернуть на континенте войну с Китаем, оккупировать Маньчжурию, претендуя на часть союзной СССР Монголии.

В 1939 году — после смены в январе японского правительства — напряжённость на границе усилилась. Стал выдвигаться лозунг о расширении японской империи «вплоть до Байкала». Участились

нападения японских войск на монгольских пограничников.

То, что произошло весной-летом 1939 года на восточной границе Монголии в районе реки Халхин-Гол и озера Буйр-Нуур, советские и российские историки, как правило, называют «военным конфликтом»; однако большая часть зарубежных историков считает, что это была настоящая локальная война (причём некоторые авторы называют её «Второй русско-японской войной» по аналогии с войной 1904-1905 гг.). Да и сложно назвать эти события, длившиеся почти полгода, просто «конфликтом», когда в боях с обеих сторон участвовало 1300 самолётов, около 1000 танков и бронемашин и 130 тыс. солдат и офицеров! Общие потери японо-маньчжурских войск составили, по разным данным, от 45 до 61 тыс. человек; советско-монгольская сторона потеряла (также по разным источникам) от 9703 до 24 тыс. военнослужащих.

В мае 1939 г. в Монголию из Забайкалья были срочно переброшены несколько советских дивизий, в том числе и кавалеристы. В самом Забайкалье была проведена частичная мобилизация и сформированы ещё два соединения.

В памяти отца не сохранилось описания лихих кавалерийских атак «на широких аллюрах», возможно, потому, что японцы, захватив господствующие высоты, в фантастически короткое время построили мощные оборонительные

сооружения; советско-монгольским войскам пришлось сражаться пешим порядком. «Ползать на брюхе под обстрелом — удовольствие небольшое, особенно для кавалериста; однако на танки и проволочные заграждения с шашкой наголо не пойдёшь, — вспоминал отец. — В августе Красная Армия и вся Монголия праздновали победу, и никто тогда не предполагал, что эти бои в монгольских степях — преддверие небывалой по масштабам в истории человечества Второй мировой войны».

Шилка и Нерчинск не страшны теперь!

Слова этой популярной в те времена в народе песни звучали в голове у сержанта Василия Дубовицкого, когда он в конце 1942 года, распрощавшись с товарищами по эскадрону, уезжал с эшелоном на запад, в Челябинское артиллерийское училище. Хотя песня была посвящена бежавшему с каторги заключённому, перипетии его убытия из Забайкалья были чем-то похожи на побег: равнявшихся на войну с немцами «дальневосточников» держали на месте из-за опасения войны с Японией, которая обещала фашистской Германии вступить войну с СССР сразу, как только немцы возьмут Москву. Командование разного уровня беспощадно рвало тысячи рапортов стремящихся на фронт красноармейцев и командиров, убеждая их в нужности

именно здесь, рядом с «точащими зубы» самураями. Но в середине 1942 года неожиданно подвернулась возможность вырваться: был объявлен набор в артиллерийское училище в Челябинске. Сержанту Дубовицкому пришлось сменить специальность с кавалериста в артиллеристы. Конечно, была опасность после училища быть направленным в тот же округ, откуда прибыл, но всё же шансов оказаться на фронте было больше! За смену воинской специальности говорила и семейная традиция: отец Василия — Гавриил Архипович Дубовицкий — принимал участие солдатом-артиллеристом в двух войнах: русско-японской 1904-1905 гг. и в Первой мировой.

...Месяцы учёбы пролетели быстро. За это время будущий лейтенант успел не только с отличием окончить училище, став командиром батареи 76-мм орудий, но и вырваться на пару дней домой — в родное Черепаново. Положение в тылу, о котором он как-то раньше не задумывался, было тяжёлое: на фронт ушло большинство молодых мужчин, туда же убыли необходимые армии трактора и автомашины, большая часть лошадей. Старики, подростки и женщины выбивались из сил, пытаясь дать «всё для фронта, всё для победы». Курсант-артиллерист Дубовицкий вспоминал, что перед самым своим возвращением в Челябинск они долго разговаривали с отцом и в конце старик сказал: «Если вы провоциете ещё год, мы начнём голодать». Тогда

первый и единственный раз Василий увидел на глазах отца слёзы: судя по всему, тот понимал, что видится с сыном в последний раз, — Гавриил Архипович скончался через год, в 1944-м.

Фронт

На фронте, в составе 69-й армии, лейтенант Василий Дубовицкий оказался уже в середине 1943 года, когда Красная Армия громил немцев под Харьковом и Кременчугом. В апреле 1944 года армия была включена в состав 1-го Белорусского фронта — главного направления наступления через территорию Польши на Германию. В ходе Люблин-Брестской операции (18 июля — 2 августа 1944 г.) армия наступала на холмском направлении. Её войска во взаимодействии с 7-м гвардейским кавалерийским корпусом освободили г. Холм (22 июля), в конце июля вышли к Висле и захватили Пулавский плацдарм. В Варшавско-Познанской операции (14 января — 3 февраля 1945 г.) войска армии во взаимодействии с другими соединениями освободили Радом, Томашов (Томашув-Мазовецки), Лодзь, Познань (91-й стрелковый корпус), Мезеритц (Мендзыжеч) и другие города. В ходе боевых действий по удержанию и расширению плацдарма в районе Кюстрина в феврале на франкфуртском направлении вышли к Одеру, 12 февраля форсировали его и овладели городом Лебус.

Здесь, уже на территории Германии, лейтенант В.Г.Дубовицкий получил новое назначение и, расставшись со своей полевой артиллерией «семидесятишестидесяток», получил под командование батарею 305-мм монстров — бывших корабельных орудий. На марше такую пушку не мог везти ни один армейский тягач, и потому ствол вёз один, а лафет — другой. В собранном виде такое орудие выпускало снаряд (который для заряжания подавался специальной лебёдкой) на расстояние пятнадцати километров!

В ряду бесчисленных боевых эпизодов, навсегда оставшихся в его памяти, лейтенанту Дубовицкому запомнился один, правда, не совсем военный: «Во время нашего наступления немецкие зажиточные крестьяне в страхе перед Красной Армией бросали свои поместья-фольварки и спешно бежали со своей армией на запад; в коровнике мычала недоенная скотина, по соседству хрюкали свиньи, по двору в панике метались куры и гуси, в подвалах наших солдат ожидали ряды банок с вареньем и вишнёвым компотом! И вот в одном из таких помещений я вошёл в брошенный двухэтажный, крытый красной черепицей дом, — рассказывал он. — В просторном вестибюле с камином, с которого это жильё начиналось, спиной ко мне стоял немолодой уже солдат-украинец. Не видя меня, он медленно обводил взглядом увешанные охотничьими трофеями стены, персидские ковры

на полу, цветные витражи в окнах, добротную дубовую мебель. «И шо им надо было у нас?!» — задал сам себе вопрос солдат; потом, со вздохом сняв с плеча свой ППШ, выпустил весь его диск во всю эту «красоту». Только после этого он повернулся и увидел меня, стоящего в дверях. Молча козырнул и вышел. В глазах ветерана блестели слёзы. Судя по всему, он потерял в войне семью».

...Уже на подступах к столице фашистской Германии — Берлину — среди артиллеристов-дальнобойщиков прошёл слух, что командир батареи, который первым откроет огонь по самому городу, получит звание Героя Союза, а весь его расчёт наградят орденами. Между сослуживцами развернулось соревнование: дальнобойная артиллерия рвалась вперёд, едва не занимая позиции полевой. Вот и Берлин, соседняя дальнобойная батарея «достала» крайние дома на его улицах — командование их похвалило, но... ожидаемых наград не последовало, всё желаемое оказалось лишь слухами!

В боях в самом городе сверхтяжёлой артиллерии пришлось прямой наводкой бить по дотам, которые отчаявшиеся гитлеровцы понастроили на перекрёстках улиц: бронеколпаки этих сооружений от попадания 305-мм снаряда просто сносило напрочь! В боях в городе сильно мешал фольксштурм — ополчение, набранное из пожилых немцев и выкормышей «Гитлерюгенда»,

молодёжной фашистской организации: засевшие по подвалам и в цокольных этажах жилых зданий, они при каждом удобном случае стреляли из одноразовых гранатомётов-фаустпатронов по любой советской технике, от танка до грузовика-«полуторки».

2 мая 1945 года Берлин был взят. Его гарнизон сдался. А через неделю все оглохли от грохота пальбы в воздух и криков «ура!»: фашистская Германия капитулировала.

Однако военная служба для лейтенанта Дубовицкого продолжалась: его часть оставили на территории Германии в составе контингента советских оккупационных войск. Немцы были подавлены разгромом и капитуляцией, тяжело переживая скорее не уничтожение фашизма, а унижение завоёванной и оккупированной нации. Молодому лейтенанту запомнился характерный эпизод «оккупационного периода»: сидя в полупустом «советском» вагоне пригородного поезда, следовавшего в Потсдам, он увидел на перроне немца своих лет, которому не досталось места в вагоне, предназначенном для граждан Германии. Василий жестами пригласил расстроенного мужчину к себе в купе, и тот, поблагодарив за приглашение, занял место напротив. И тут их взору открылась странная картина: на перроне немец взялся упрашивать советских офицеров пустить его в вагон, доказывая, что он то ли поляк, то ли славянин-лужичанин, и его немецкое гражданство — просто

Василий Гаврилович Дубовицкий

недоразумение! Эта сцена заняла несколько минут, после чего офицеры, посмеявшись, пустили в вагон новоявленного «славянина». Сидящий напротив лейтенанта человек тяжело вздохнул и произнёс: «Вот так — теперь никто не хочет быть немцем!»

Союзники-американцы, частенько проезжавшие через контролируруемую советскими войсками территорию, были доброжелательны, шумны, недисциплинированны. Каждый раз, увидев на груди солдат и офицеров орден Красной Звезды, они просили продать его за хорошую сумму. Вскоре выяснилось, что их конкретно интересует в ордене только металлический щиток в центре: его делали из платины...

Долгожданное возвращение домой, в родное Черепаново состоялось только в конце 1947 года.